

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР
КАРНЕГИ

**СЕВЕРОКОРЕЙСКИЙ БИЗНЕС
В ЭПОХУ КИМ ЧЕН ЫНА:
ТИХАЯ ПОСТУПЬ ПЕРЕМЕН**

19 февраля 2016 г. | Москва

Докладчик:

Андрей Ланьков

историк, кореевед, преподаватель

Университета Кукмин (Сеул)

Максим Саморуков. Добрый день, добро пожаловать в Московский Центр Карнеги. Спасибо, что зашли. Надеюсь, не разочаруетесь. Я хотел бы вам представить нашего гостя, постоянного автора Карнеги, но в физическом виде присутствующего здесь не очень часто, и в Москве вообще. Это Андрей Ланьков, специалист по Корее, кореевед, историк. И недавно он у нас опубликовал свою работу о северокорейской экономике, о том, как северокорейский социализм переходит к капитализму и особенностях этого перехода. Я думаю, вначале мы дадим Андрею дать нам какое-то вводное представление о его работе, а потом где-нибудь час обсудим ваши вопросы, комментарии и просто проведем свободную дискуссию.

Ланьков. Я тут вижу значительное количество коллег, для которых многое из того, что я скажу, достаточно очевидно. Я вижу много людей, для которых это, наверное, будет не очевидно, поэтому постараюсь найти какой-то компромисс.

Традиционное представление о Северной Корее, что это такая очень странная страна, описывают ее как: сталинистская, иррациональная, воинственная. Вообще, ни с одним из выше упомянутых трех определений согласиться, в общем-то, невозможно. Иррациональной она не является, и сталинистской она не является, и воинственной она не является. Но вот как-то эти штампы закрепились.

Сегодня я бы хотел поговорить в основном о тех переменах, которые довольно слабо известны за пределами страны, во многом потому, что все это не отражается, о чем я отдельно буду говорить, — принципиально не отражается в официальных публикациях северокорейских. Речь идет вот о чем: как всем хорошо известно, в начале 90-х годов северокорейская экономика столкнулась с тяжелейшим кризисом. Она и до этого была крайне неэффективна, но поддержка извне, в первую очередь, со стороны Советского Союза, позволяла ей как-то держаться на плаву. Эта поддержка была прекращена, по понятным соображениям и причинам, в начале 90-х годов. За этим последовал тяжелейший экономический кризис.

Масштаб кризиса оценивается разными людьми по-разному, потому что, напоминая, статистика не публиковалась с начала 60-х годов никакая практически. Но, по-видимому, можно говорить о том, что машинное производство сократилось раза в два за 90-е годы до начала 2000-х. Что важнее всего — прекратили отоваривать карточки, потому что страна в старом ее варианте — это была страна практически тотальной карточной системы. То есть все нормировалось, все выдавалось населению по нормам. Я бы сказал, именно выдавалось, а не продавалось, потому что цены были совершенно символические. То есть правительство фактически раздавало народу продукты и основные товары народного потребления по тем нормам, которые, так сказать, можно было себе позволить и которые они считали рациональными. Нам бы, наверное, эти нормы показались не очень рациональными, но северокорейцы в этом ничего плохого не видели, вполне к этой системе привыкли. Вот эта система развалилась в начале 90-х годов.

Что случилось дальше? Во-первых, конечно, случился голод с большим количеством жертв. Сколько — непонятно, северокорейцы неофициально признали 250 тысяч. Есть сильно завышенные оценки — 2,5 миллиона. Скорее всего, там цифра около полумиллиона, если смотреть по результатам переписи, последней анализо-переписи. Но вопрос-то, скажем, спорный, хотя большой голод, серьезнейший голод в Восточной Азии. И на этом фоне северокорейское население, при общей непонятной политике властей, но скорее, при попустительстве, реально, скажем так, открыло рыночную экономику. Когда стало ясно, что карточки не отоваривают, люди пошли, стали, значит, в горах на участках работать. Участки эти были неофициальными, но чиновникам тоже нужно было что-то есть, и они спокойно, за совершенно мизерные взятки, закрывали глаза на эту деятельность. В некоторых случаях были официальные инструкции сверху, позволяющие это делать. Значит, пошли, стали заниматься, так сказать. Классический вариант: на заводе, который вроде бы остановился из-за отсутствия сырья и электроэнергии, что-то делалось на продажу на рынок. Стали возникать мелкие мануфактуры, массовый характер приняло отходничество в Китай. На пике, в конце 90-х, порядка 200 тысяч нелегальных северокорейских рабочих работало в Китае. Ходили через границу, которая практически до 2010 года не контролировалась, ходили достаточно свободно. Вот эти все перемены.

В результате в Северной Корее возникает новый частный сектор. Возникает он, как я уже говорил, в мелких [масштабах], сначала совершенно мельчайшая какая-то деятельность, то есть домашнее производство, домашние мастерские. Потихонечку он распространяется, где-то, скажем, в конце 90-х уже появляются первые достаточно крупные частные предприятия, использующие наемный труд. Правда, тут возникает проблема. Дело в том, что все эти перемены, о чем еще раз специфически скажу дальше, не были никогда официально оформлены сверху. Поэтому, значит, если у человека появлялось желание вкладывать достаточно большие деньги, в конце 90-х деньги — это суммы большие, тысячи долларов. Сейчас, конечно, эта сумма уже в небольшие сотни тысяч долларов. И, значит, когда появлялось желание вкладывать такие большие деньги, необходимо было обеспечить некое легальное прикрытие подобного мероприятия. Для этого вступали в партнерские отношения с государством.

Вот у человека есть там, условно, 10 тысяч долларов, сделанные на контрабандной торговле сушеной рыбой, допустим, с Китаем. Это женщина, а практически все люди, занятые в этой экономике, — женщины. Ну, не практически все, а 3/4. Сделала она, так сказать, деньги, деньги сделаны, человек идет, значит, в городскую управу, то есть народный комитет, договаривается о том, что ему выдается разрешение на открытие ресторана. Но он может не с народным комитетом договариваться, с кем-то, кто имеет право, якобы государственная организация, это может быть внешнеторговая фирма. Это особый, очень интересный институт — эти внешнеторговые фирмы, каковых очень много там. В любом случае он получает некую государственную бумажку, под ней он работает. Он вкладывает деньги, он договаривается об аренде помещения, он нанимает персонал, он работает и отчисляет. Обычно речь идет не о проценте с выручки, просто ее не проконтролируешь, всю абсолютно наличность: все абсолютно втемную, непонятное теневое. Поэтому договаривается, что определенную сумму просто отчисляет государству. Сами они это называют планом, но когда речь идет о плане, это просто некая фиксированная сумма. Вот ты заработал столько-то, столько-то ты обязан [отдать], все, что сверху, — твое. Это достаточно стандартная схема, вся северокорейская экономика, эта вот частная, она по такой схеме работает.

Дальше, значит, стали появляться более крупные предприятия, в частности под вывеской внешнеторговых фирм. Это особенность Северной Кореи, там еще с конца 70-х годов, а особенно с конца 90-х, очень много так называемых внешнеторговых фирм, которые занимаются тем, что зарабатывают деньги якобы для организаций, которые их создают. Организации могут быть самые неожиданные, там, воинские части, управление генерального штаба, кто угодно может быть.

Вот они создают организацию, эта организация получает право на внешнеэкономическую деятельность, но не любую, а определенную. Там, скажем, выдается ВАК так называемый, то есть лицензия на, скажем, продажу, условно говоря, тысячи тонн сушеных кальмаров. И вот после этого нужно найти эти, как, сушеные кальмары, причем понятно, ни в каком управлении автодорожного строительства генштаба сушеных кальмаров нет. И нужно найти деньги, чтобы эти кальмары купить. И вот тут, обычно, в схему встраивается частный капитал.

Вот такие вот перемены потихонечку разворачивались и до начала правления Ким Чен Ына. Это был такой экскурс, потому что об этом все более-менее подробно написано, последние 10 минут я хочу посвятить самым последним новостям. Потому что сам вернулся из приграничья, в Северной Корее был. И главное, что в Северной Корее не очень много, о чем можно узнать, хотя посмотреть полезно. Я общаюсь с северокорейскими бизнесменами, с китайскими бизнесменами, которые крутятся в приграничье. Много чего интересного можно узнать.

Так вот, значит, эта политика. Причем власти не совсем понимали, что с этим делать. У них были свои политические соображения. Ким Чен Ир покойный очень боялся опустить контроль, опасаясь, что воспроизведение китайских реформ в условиях разделенной страны и очень большой разницы в уровне жизни между Южной и Северной Кореей может привести к политической нестабильности, проще говоря, падению режима по восточногерманскому сценарию. Поэтому он, как бы, не совсем понимал, что делать с происходящим. Были периоды, когда он пытался поощрять это, например, в 2002–2003 годах. Были периоды, когда он пытался справиться, наоборот, так сказать, восстановить старую экономику распределительного планового характера, это с 2005 по 2009 год. Кульминацией стала денежная реформа в ноябре 2009 года, которая окончилась полным провалом и создала действительно, реально нестабильность очень серьезную на короткий период в стране.

А большую часть своего правления, — практически все эти перемены начались как раз перед приходом Ким Чен Ира к власти, в самом начале 90-х, и ускорялись под его руководством, — большую часть этого времени Ким Чен Ир, в общем, их игнорировал, по большому счету. У Ким Чен Ына другая линия. Ким Чен Ын, в общем, человек молодой, он понимает, что вечно продолжаться, существовать нынешняя система не может, что нужно что-то с этим предпринимать, что нужны какие-то меры. И, в принципе, он человек, судя по всему, существенно менее идеологизированный, чем его отец, хотя его отец тоже был не очень-то идеологизированным человеком. И, с одной стороны, есть желание изменить ситуацию, есть позитивный пример, отсутствие каких-то серьезных идеологических табу, но и одновременно, конечно, опасения по поводу возможной нестабильности. Поэтому все реформы очень-очень медленно нужно проводить, все преобразования очень медленно. В свое время Дэн Сяопин сказал, описывая китайские реформы, что, дескать, мы речку переходили по скользким камушкам, но речка, в случае с Северной Кореей, пошире будет существенно, водичка побыстрее, а камушки куда более скользкие. И Ким Чен Ын это, в общем, понимает. Но тем не менее сейчас уже можно сказать, что с декабря 2011 года, после смерти своего отца, при всей противоречивости внутренней политики, — ну, не внутренней, скажем, кадровой политики, — Ким Чен Ын решился на проведение тех мер, которые, в общем, его отец, скажем, несколько раз к ним подходил, но толком провести так и не решился.

Здесь у нас два главных поворотных пункта, один здесь описан в докладе, другой тоже упомянут, но там события стали развиваться в последние месяцы только. Первым поворотным... Я бы сказал, что есть некие четыре... Скажем так, экономическую политику Ким Чен Ына можно свести к четырем пунктам. Значит, первый пункт — это сельскохозяйственная реформа. Это единственное, что можно назвать реформой, потому что она, в общем, работает. Реформа эта была объявлена 28 июня 2012 года, когда они опубликовали закрытое постановление по поводу изменения системы управления сельским хозяйством. Закрытость там очень условно, и, как говорил один из героев «17 мгновений весны», отрицательный персонаж: «То, что знают трое, то знает и свинья». Там это знали 100 тысяч человек для начала, то есть текст достаточно быстро стал известен широко.

Это постановление предусматривало, что значительная часть урожая будет поступать крестьянам, разве что крестьяне будут работать в малых звеньях, — не в семьях, упаси Господи, а просто в малых звеньях, которые каким-то странным образом по численности примерно соответствуют то ли одной, то ли двум крестьянским семействам, 5–7 человек, вот такое звено. Такое звено становится хозрасчетной единицей и, самое главное, оно работает за фиксированную долю урожая. В разных деревнях, в разных районах немножко разные варианты, видимо, идет параллельно несколько моделей, но их все объединяет одно — крестьяне работают за долю урожая, в большинстве случаев — за одну треть. Это первая модель.

Модель заработала сразу, потому что одна из вещей, если вы смотрите, скажем, печать, СМИ, там время от времени (обычно это случается весной — в начале лета) мы имеем такие сообщения: «Северная Корея находится на грани голода». Там, ООН сообщает, что такое страшное случилось, либо засуха, либо наводнение, либо и то и другое сразу. Проходит какое-то время, голода не происходит, но, как вы догадываетесь, на первой странице, на первой странице о Корее все равно не пишут, где-то на пятой, в газетах не появляется сенсационного сообщения: «В Северной Корее нет голода». А осадочек остается, то есть вот эти вот сообщения, которые там мелькают, о том, что они на грани голода, они более-менее ежегодные, почти ежегодные. Я как-то не поленился, отслеживал, даже составил список годов, когда об этом не писали, но их мало там, в двух третях случаев мы это имеем. Эти сообщения оставляют такой немного интересный осадок, а в действительности голода как такового нет, просто нет. Вот система, повторяю, была объявлена в июне, потом примерно полгода не было ничего, возникло подозрение, что они вообще ничего не собираются делать, что это была ложная тревога — фальстарт. И вдруг, с начала 2013 года началось, и в 2013 году Корея собирает рекордный урожай. И в 2014-м собирает, а в 2015-м, прошлом, урожай, он похуже, но там были реально очень серьезные проблемы с погодой, но тем не менее, благодаря этим реформам Северная Корея достаточно близка сейчас к самообеспечению продовольствием. Это первая, самая важная вещь, это нужно четко понимать, потому что она немножко контринтуитивна, если вы слишком [часто] читаете СМИ и слишком им верите.

Вторая политическая линия, тактическая линия Ким Чен Ына — это отношение к промышленности, тут все сложнее. Значит, 30 мая 2014 года последовало новое постановление ЦК и кабинета министров, в котором предусматривалась, во-первых, дальнейшая радикализация сельскохозяйственной реформы, а во-вторых, введение хозрасчета для предприятий. То есть, подразумевалось, что директора предприятий получают право закупать

продукцию на ранке по рыночным договорным ценам, продавать ее тоже по договорным ценам, и увольнять и нанимать персонал более-менее свободно, и платить им те зарплаты, которые полагается платить. С точки зрения: а) представления стоимости труда, б) с точки зрения наличия ударного у предприятия фондов. Такая общая схема.

Дальше повторилась та же самая история, то есть она была объявлена в мае, объявлено было, что будет введено в начале прошлого 2015 года. Все ждали, те, кому было это интересно, — немногие. Весной 2015 года стало ясно, что ничего не меняется, все пришли к выводу, что все это была очередная утка. Ну, не очередная утка, но как было первое разочарование с сельским хозяйством. Побывав сейчас в этих местах, я вдруг обнаружил, что все в один голос начинают говорить: и китайские экономисты, занимающиеся Северной Кореей, и китайские торговцы, которые торгуют, и люди, которые размещают там заказы, — они сообщают, что реформа началась, она просто началась с 7–8-месячным запозданием. И до этого были экспериментальные проекты, то есть часть заводов работала уже по этой схеме, давно, чуть ли не с 2012 года, а в последние месяцы количество резко расширилось.

Результатом стало резкое увеличение зарплат, «резкое» означает совсем резкое. Если официальная зарплата на старом предприятии, работающем по старой модели, это две-три, максимум четыре тысячи северокорейских вон, что по нынешнему курсу 40–50 американских центов в месяц, то на нынешних предприятиях мы имеем сейчас зарплату 100–150 тысяч в качестве базовой зарплаты для неквалифицированного персонала. Это, как вы сами догадываетесь, уже близко к 15–20 американским долларам в месяц, но это базовая. Человек с квалификацией может получать до 60 долларов в месяц, конечно, это не кажется очень большими суммами, но, учитывая уровень цен, это, конечно, по северокорейским меркам, очень большой прогресс. При этом любопытно и совершенно непонятно — почему-то нет инфляции.

Казалось бы, такое резкое увеличение денежной массы должно привести к инфляционным явлениям, [но] инфляция не наблюдается. Она хорошо отслеживается, цены на рис, на кукурузу — реальный рыночный обменный курс мониторится очень четко, практически ежедневно — стоят как скала. Чуть вверх, чуть вниз, но, в общем, все нормально. Тут не совсем понятно, в чем дело, равно как и непонятно, сколько предприятий работает по новой модели, сколько по старой. Есть интересные изменения на тех предприятиях, которые работают по старой модели, тоже в последние месяцы, этого здесь не будет. Я, как сказал, буду говорить о новостях. Эти изменения такие, что раньше ожидалось, что все рабочие, работающие на предприятиях старой модели, будут обязаны ходить на работу, даже когда [делать] нечего, просто сидеть охранять собственность и быть готовым к будущему, когда все работать начнут. Сейчас это требование отменено, то есть рабочий на неработающий завод может и не ходить ежедневно. Там нужно время от времени появляться, но требования, что он там по несколько часов сидит около станков — в лучшем случае, в худшем — на какую-нибудь мобилизацию отправляют трудовую, заборы красить, а то и траву зеленую, — это кончилось. Это вторая политика.

Третья политика — это третья политическая линия, это изменение отношения к северокорейскому бизнесу. Те, кто сделал деньги в лихие 90-е и в еще более лихие 2000-е, к ним новая линия очень проста — их не трогать. Ходят слухи — это слухи, но слышал я их слишком от многих людей, чтобы полностью их игнорировать, — что, якобы, существуют даже закрытые указания Ким Чен Ына не интересоваться происхождением денег, если кто-то собирается вкладывать крупные суммы. То есть, сейчас результатом, хорошим отражением происходящего является рост цен на недвижимость в крупных северокорейских городах, причем не только в Пхеньяне. В Пхеньяне хорошая квартира из разряда «супер-элитная» стоит порядка 200 тысяч американских долларов, не «супер-элитная» 70–80 тысяч американских долларов, в Синьджу, например, ввели новый дом семнадцатизэтажный, приличный такой вполне дом, там 60 тысяч долларов квартира. То есть, все это происходит при правлении Ким Чен Ына, в отличие от его отца, который все время колебался, не знал, что делать, — не было ни одного законного акта, ни одной инструкции, ни одной компании, направленной против нового частного бизнеса. Но об этом чуть позже, уже в самом конце. Я постараюсь более-менее уложиться в срок, через 3–4 минуты закруглиться надо мне, как Максим предупредил. Конечно, надо помнить о том, что это все по-прежнему технически формально нелегально. Об этом чуть позже.

Четвертая политика, которая, в общем, проваливается, хотя усилия явно предпринимаются, четвертое направление работы — это попытки привлечь иностранные инвестиции. Здесь хвастаться особо нечем, иностранный инвестор в Северную Корею не идет, отчасти из-за того, что Северная Корея заслуженно считается крайне необязательным партнером. И периодические скандалы, только два крупных за последние несколько лет — с

египетской фирмой «Раском» и с китайской фирмой «Сиян» — они напомнили еще раз, что деньги везти в Корею можно, даже можно там прибыль получить, а вот репатриировать прибыль бывает, мягко говоря, сложновато. Это плюс, конечно, общая нестабильность ситуации, но главная проблема, наверное, крайне завышенные представления о северокорейской стороне, о собственной инвестиционной привлекательности. То есть, обычная схема, которую... Историю я слышал невероятно много раз. И тут недавно разговаривал с коллегой, буквально вчера, он точно такую же историю мне стал рассказывать очередную, когда привозят буквально на пустырь и говорят, что вот теперь ребята будут, вам счастье привалило, вы здесь можете завод построить и хорошо. При этом это именно пустырь, там ни коммуникаций, ни электричества, ничего. Ни дорог, с дорогами вообще очень плохо (кроме инфраструктуры связи, ситуация там улучшилась). В общем, пока с инвестициями усилия есть, есть более 20 новых экономических зон, созданных Ким Чен Ыном, но результатов реальных нет.

Вот четыре политики. По большому счету, они работают. Важный момент еще такой контринтуитивный, Северная Корея остается очень бедной страной по любым меркам, тут не нужно никаких иллюзий, но она не только не голодает больше. Да, недоедания весной есть, но вот по данным, которые, собственно, северокорейская сторона сама предоставляет, получается, что там порядка четверти населения весной недоедает. Возможно, цифра преувеличена, потому что это немножко контринтуитивно — северокорейская сторона склонна преувеличивать уровень собственных экономических трудностей, чтобы получить иностранную помощь. Но тем не менее, в общем, конечно, недоедание до какой-то степени существует, это понятно, [но] голода нет. Главное, есть определенный экономический рост, сколько он — непонятно. Самая пессимистическая оценка, оценка южнокорейского банка Кореи — 1,3 %, а самая оптимистическая — три-четыре, а иногда и пять процентов. Они абсолютно гадательные, это оценки людей, находящихся долгое время в Пхеньяне, едущих по стране, но они такие, чисто визуальные. Я думаю, более точных цифр нет, они просто статистику соответствующую не собирают. С другой стороны, нужно четко подчеркнуть одно очень важное обстоятельство. Все эти перемены, о которых я говорю, являются, строго говоря, абсолютно незаконными.

Я очень часто цитирую одного человека, присутствующего в этой аудитории, [но], поскольку я не имел его разрешения на цитирование его, я обычно говорю абстрактно. По-моему, он даже здесь упомянут, без упоминания имени. Этот человек, здесь присутствующий (захочет признаться — признается), сказал совершенно замечательное наблюдение уже несколько лет назад, что северокорейский средний класс чувствует себя совершенно великолепно и живет хорошо, и ест часто в ресторанах, и квартиры у них, и все. Проблема только в том, что любого из них можно в любой момент взять, арестовать, и не помню, либо сказано там: поставить к стенке, — в этом разговоре было или нет, но да. Я могу только согласиться с этим человеком, которого я радостно цитировал и цитировать буду, если он мне напрямую после этой встречи не запретит.

В общем, ситуация такая, что действительно это факт. То есть вроде бы все и есть, и, вроде бы, даже есть негласные инструкции их не трогать, но в любой момент эти негласные инструкции — они на то и негласные, что в любой момент можно отрицать их существование, — отменить и все, что угодно. За единственным исключением сельскохозяйственных изменений в сельскохозяйственном производстве, все вот эти перемены — я иногда называю их реформами, иногда думаю, не погорячился ли я, — они все носят такой подчеркнuto обратимый характер. То есть человек приезжает, особенно если он приезжает как обычный иностранный журналист, которого очень четко сопровождают, то ничего подобного он не увидит. На вопросы такого рода вам будут отвечать, конечно, совершенно всякие фантастические истории, отрицая все, что происходит. Действительно, формально ничего этого нет. Некоторые сейчас ждут, что 7-й съезд, подготовка к которому идет сейчас очень активно, все города завешаны этими плакатами, забавно видеть. Но при всем при этом некоторые ждут, что на 7-м съезде объявят о реформах, но я бы поспорил 3 к 1, что не объявят. Вот такая вот странная ситуация, что идут перемены, перемены отчасти определены политикой правительства, но о них вообще ничего, за единственным исключением — сельскохозяйственная реформа, о которой иногда в газетах пишут. Но тоже без излишних деталей и без излишнего энтузиазма. Но тем не менее работает, ситуация улучшается, люди лучше одеты, машин больше, а в Пхеньяне даже пробки бывают автомобильные иногда, бум строительный везде идет, ну и, конечно, солнечные батареи.

Я, когда был в приграничье тут недавно, ровно месяц назад, собственно говоря, когда по Китаю и вокруг ездил. Я помню замечательную вещь, иду к речке Амноккан и говорю своему спутнику и коллеге, что, дескать, когда там увижу наконец огни — это будут огни надежды. Я-то был уверен, что их не увижу. И вот я подхожу к мосту и вижу, во-

первых, мост, который раньше был совершенно, мост, соединяющий Китай и Корею, который обрывался четко посередине, как ножом обрезанный, потому что у корейцев была черная половина, а у китайцев — ярко подсвеченная. Вот мост весь подсвечен. И я смотрю на другой берег, и я вижу там огни, тусклые огни, но они есть. Впервые за 15 лет, ночью, не только вдали светятся эти два столба — статуи вождей, их там подсвечивают, особенно в дождь и в туман, а нормальные огни, что-то там светится. И не только официальные объекты или квартира, а даже одна зеленая неоновая вывеска мерцает вдали. Но это и понятно, с другой стороны, секрет открывается позже, когда ты смотришь это вблизи, ты обнаруживаешь такую маленькую интересную вещь. В том же самом Сенджу, например, город просто завешан солнечными батареями, то есть если в Китае солнечных батарей нет, потому что, конечно, дешевле получать электричество из обычной сети, то в Северной Корее с сетью дела обстоят плохо, инфраструктура вообще вся, в том числе энергетика, в плачевном состоянии, и вот, соответственно, солнечные батареи. Фирма в Дандуне, которая торгует этими батареями, у нее объем продаж 50 миллионов в год, и все это идет в Северную Корею, люди покупают, стоит для них недорого. Батарея и аккумулятор, естественно, подсоединен. Много-то не получится, но в принципе, так сказать, лампочка экономная, телевизор посмотреть можно, даже водичку вскипятить, хотя это уже, может, и затруднительно. Вот примерно так. На этом я с вами заканчиваю свою официальную часть, раскланиваюсь, давайте дальше.

Максим Саморуков. Давайте тогда перейдем к вопросам. Только, пожалуйста, представляйтесь.

Толорая. Толорая Георгий Давидович, зав[едующий] Центром азиатской стратегии Института экономики РАН. Все-таки какая Ваша оценка по содержанию 7-го съезда или, может быть, что-то все-таки рассказывают, что-то говорят? И какая вероятность, по экспертной оценке, что будут какие-то сдвиги?

Ланьков. Свою личную точку зрения я уже сказал — три к одному, но это моя личная. Если говорить об общении с китайцами, я последний месяц много с кем общался, ну, с большим числом китайских экспертов. Из тех, кто говорит по-английски или по-корейски, я поговорил. К сожалению, китайский мой не позволяет больше, чем дорогу спросить. У них очень оптимистическая оценка, с которой я не согласен. Неоднократно слышал от целого ряда людей, занимающихся Северной Кореей в Китае, что, дескать, сейчас будет 7-й съезд, и, наконец, на нем объявят реформы. Практически все здесь считают, и я согласен, что — главный символ, главное сообщение, — что все будет как при дедушке. Может, не все, но вот у нас был некий период тяжелого кризиса, который затянулся на два десятилетия, даже чуть больше, этот период закончен, экономическая ситуация идет на выздоровление. Ситуация выправляется, и мы должны возвращаться к нормальным методам управления страной через однопартийную систему, а не через какие-то армейские и непонятно [какие], созданные под конкретные задачи, структуры. Говоря именно об экспертной оценке, это практически консенсус, и я с этим тоже согласен, что это возвращение власти к партии и к традиционному, так сказать, старому методу управления, по крайней мере, формально. Но китайцы в основном действительно ожидают, что будет объявлено, что вот мы создали мощный военный потенциал. Что у нас есть ядерное оружие, есть надежное средство его доставки, и, соответственно, теперь мы можем начинать реформы. Я не исключаю, что они начнут. Я просто сомневаюсь, что они об этом прямо и открыто объявят, но многие — если не большинство — китайцы, ждут, что объявят.

Воронцов. Воронцов Александр, Институт востоковедения РАН. Как Вы оцениваете перспективы продолжения реформы экономической и вот этих всех преобразований с учетом ожидающихся и уже наступивших жестких экономических санкций, более жестких, чем они были до этого, и со стороны южнокорейской, со стороны США и так далее? Вот насколько это может стать препятствием? Спасибо.

Ланьков. Я бы разделил этот вопрос на две части, если Вы не возражаете, я бы разделил на два подвопроса. Первый — вообще, как я оцениваю перспективы. Второй — как я оцениваю перспективы в этом свете. Это немножко разные вопросы.

Вообще. Тут опять-таки возникает некое противоречие между тем, что говорит население городов Пекина, Шэньяна и прочих, и тем, как я ощущаю ситуацию. Хотя это чисто интуитивные моменты. Дело в том, что китайские эксперты, как ни странно это прозвучит, в своей массе крайне скептически относятся к перспективам дальнейшего экономического роста. Они признают существование роста, но они считают, что этот рост невозможно поддерживать и дальше.

Практически логика такова. Рост, говорят китайские эксперты... Подчеркиваю, что это не моя точка зрения, я с ней не согласен, но это массовая точка зрения в Китае. Так вот, китайские эксперты говорят, что рост был возможен в результате двух основных факторов. Во-первых, это очень благоприятная для Северной Кореи конъюнктура цен на мировом рынке. Основные товары, экспортные товары для Северной Кореи — это минеральные ресурсы, в первую очередь, уголь, но отчасти и другие виды минеральных ресурсов. Цены на них были очень высокими благодаря росту Китая и буму в Китае. Но не только их касается. Там почти все товарные позиции, очень хорошая была для них конъюнктура. Это первая причина.

Вторая — китайские эксперты, такие как Ким Кён-иль, Бянь Сяу Чонь, Кян Ким Чень и т.д. — признают, что перемены, о которых я говорил, сыграли свою роль. Но они в то же время говорят, что то, что можно было сделать без структурных реформ, эти возможности уже исчерпаны. Соответственно, точка зрения Китая. Третий момент — неспособность привлечь серьезные инвестиции. И четвертый — это общее положение, причем это было еще до того момента, когда речь зашла об ужесточении санкций, хотя что-то такое ожидалось. Все это, дескать, означает, что в скором времени рост прекратится. Я в этом не очень уверен. Потому что есть у меня очень серьезные... Опять-таки, статистики нет ни у кого. Это спор такой... Единственное, что хорошо — это что лет через пять увидим. Это редкий случай, когда такие теоретические гуманитарные споры находят более-менее однозначные разрешения. Можно пари заключать, кто-то кого-то в ресторан может водить.

У меня ощущение какое? Даже если вы посмотрите на экспортную структуру, то вы увидите, что в последнее время второй статьёй экспорта сразу после минеральных ресурсов идет продукция легкой промышленности. В Северной Корее благодаря тому, что дешевая рабочая сила, начинает разворачиваться производство, в основном, на заказ. Очень часто эти изделия, чтобы не связываться с международными санкциями, никаких проблем не создавать — там написано: «Сделано в Китае». Но это не в Китае — это в Северной Корее шито. Не то чтобы этого много, но этого достаточно, чтобы в статистике эти самые изделия легкой текстильной промышленности стали вполне ощутимой статьёй. Доля их быстро растет. Внутри есть внутренний спрос, то есть какое-то количество, например, те же самые рыболовные частные предприятия стали активно заказывать корабли внутри, у себя. На своих корейских верфях строят корабли вместо тех старых гробов чуть ли не с 45-го года, на которых плавали моряки, рыбаки гробили их в огромных количествах, и эффективность низкая. Они начинают строить относительно большие рыболовные суда с металлическими корпусами. То есть, посмотрим.

А вот теперь второй, более неприятный вопрос — как скажутся санкции? Пока непонятно. На мой взгляд, главным фактором является позиция Китая. Китай в последние месяцы резко пересмотрел свою политику в отношении Северной Кореи. Пересмотр произошел буквально в начале осени, где-то в районе августа-сентября. Если до этого на протяжении более чем двух лет — почти трех лет, с февраля 2013-го — Китай занимал необычно жесткую политику по отношению к Северной Корее, во многом активно сотрудничал с Соединенными Штатами по вопросам санкций и давления на Северную Корею, [то] сейчас произошел резкий поворот, вызванный, в основном, обострением отношений с США у Китая, Южно-Китайским морем и, соответственно, нежеланием сотрудничать по другим вопросам и опасением, что излишнее давление на Северную Корею вызовет там нестабильность. То есть возвращение к более ранней китайской позиции. На протяжении многих лет, до 2013 года, она такая и была.

Соответственно, насколько повлияют санкции? Если китайцы решат эти санкции саботировать в той или иной форме, это им вполне под силу. Не надо забывать, что через Китай идет практически весь товарооборот. Когда мы говорим «внешняя торговля с Северной Кореей», это на практике торговля Северной Кореей с Китаем. Если китайцы примут решение о том, что они будут до какой-то степени помогать Северной Корее обходить новый набор санкций, а этот набор резко отличается от существующего, то, по-видимому, эффект от санкций удастся сильно смирить. Я настроен оптимистически. Я склонен думать, что рост будет продолжаться. Если китайцы решат занять нейтральную позицию, то удар будет ощутимый, но, думаю, не катастрофический. То есть те просто сместятся. Если китайцы начнут вдруг активным образом как-то кооперироваться, тогда будут серьезные проблемы. И тогда рост будет остановлен и отброшен назад, это да. Потому что новые санкции сильно отличаются от предыдущих.

Еще один миф — это разговоры о санкциях, которым якобы подвергается Северная Корея в мире. Мне тут недавно удалось второй раз поговорить на эту тему с одним из ведущих мировых юристов-«санкционедов», точнее, «санкционедчиков» — это более конкретная его специальность. Он не о том, как кого-то санкционировать, а как

кому-то, оказавшемуся под санкцией, из-под санкции убежать. На этом он свои деньги неплохие зарабатывает. Так вот, он, ознакомившись со старым вариантом санкций, но он и раньше его смотрел, говорит, что это совершенно несерьезная вещь: «Эта символика очень легко обходима, это несерьезно». Ознакомившись с новым вариантом, он сказал: «Вот это уже очень серьезно». И он даже не уверен, что это можно обходить при активном китайском участии.

Но не мне с ним спорить, потому что человек зарабатывает себе на кусок хлеба с черной икрой много лет, именно маневрируя между этими рифмами. И вот он сказал: да, на этот раз дело может принять очень серьезный оборот. Вот мой ответ: поживем – увидим. Решающая переменная – это позиция Китая.

Денисов. Денисов Игорь, Институт международных исследований МГИМО МИД России. У меня как раз вопрос о позиции Китая, но с другой стороны немножко: логика действия Пхеньяна по отношению к Китаю. Потому что мы видели такие истерические жесты, как отзыв этого ансамбля. До сих пор, я думаю, открыт вопрос об обмене визитами на высшем уровне.

Ланьков. Его не будет пока.

Денисов. Его не будет, да. Какова логика действия Пхеньяна по отношению к Пекину? Чего они там добиваются? Что им не нравится в китайской позиции?

Ланьков. Я не готов тут говорить именно о действиях Пхеньяна. Я хорошо представляю в этом смысле китайскую логику, но существенно хуже представляю пхеньянскую логику. Как я понимаю, они хотят, чтобы Китай де-факто признал... Собственно говоря, вся политика Северной Кореи последних месяцев – это продолжение их линии. Они хотят проводить следующую линию. У нас есть ядерное оружие. Точка. Смиритесь с этим. Привыкните. Мы ядерная держава. Это вопрос, вообще не подлежащий обсуждению. При благоприятном повороте мы готовы говорить об ограничении ядерных вооружений, то есть об ограничении нашей программы, но не ее отмене, ее ликвидации. И то, мы подумаем. А помимо этого, мы нормальная страна. Мы ведем какую-то экономическую деятельность, в основном, на практике, конечно, почти исключительно с Китаем. Мы занимаемся дипломатией.

Они там активнейшим образом подкатывались, планировалась целая серия довольно крупных визитов в этом году, которые, естественно, все накрылись. Но они подкатывались очень ко многим в последние месяцы. Были даже некие договоренности. Идея заключается: вот у нас дипломатия, торговля отдельно – типа, мухи отдельно, котлеты отдельно. По-видимому, они хотят от китайцев, чтобы китайцы, естественно, оказывали им более активную помощь, чем раньше. Чем больше дадут, тем лучше. Это традиционная северокорейская [позиция], она с 45-го года не менялась. Помощь китайцы даже в момент охлаждения отношений какую-то оказывали. Например, не бесплатные, но сильно субсидированные поставки нефти. Нефть шла, всегда шла. Даже когда они перестали ее упоминать в статистике, она никуда не девалась, она шла.

Так вот, они хотят вот этого. И, так сказать, какого-то понимания в том, что американские империалисты и т.д. Я, честно говоря, думал, что побег ансамбля «Моранбон», который Вы упомянули, и взрыв, который реально поначалу вызвал в Китае очень бурную реакцию, окажет какое-то влияние на китайское восприятие. Просидев довольно долго в Пекине в середине января и пообщавшись более-менее со всеми, я увидел, что влияния это совершенно не оказало. Более того, интересный момент: когда «Моранбон» был отозван... Причем – для тех, кто не в курсе – там что случилось? Был отправлен такой придворный, девичий ансамбль из Пхеньяна, такой весь из себя, практически вокально-инструментальный ансамбль «Песняры» и даже чуть повольнее, но поет правильные песни. Он когда-то неправильные песни пел, но потом это дело прикрыли, он поет только правильные сейчас песни. Его отправили туда, он прилетел, уже были билеты, первый концерт там должен [был] быть по спискам для элиты, уже часть людей, в итоге, приехала. Отменили концерт в 12 часов, и все девочки без объяснения причин собрали чемоданы и уехали. По слухам, которые ходят в Пекине, насколько это правда – не знаю, но это практически консенсусный слух, видимо, так и есть, – северокорейцы показывали ядерный взрыв и ракету в другой вариации, но неважно. Версия, что не заплатили, что ли, следующая версия?

Реплика. Версия в том, что Китай резко понизил уровень...

Ланьков. Да, это был ответ, это правда. Версия такая, что сначала они хотели показать на заднике этот самый ядерный взрыв или ракету. Узнав об этом, китайское правительство резко понизило уровень представительства, потому что получилось бы, что и китайское руководство аплодировало бы ракетно-ядерной программе по окончании концерта. Не могли же они стоять, демонстративно сжав руки. Соответственно, северокорейская сторона ответила вот так. Вот такой многоступенчатый вариант, по крайней мере, это обычное, стандартное объяснение в Пекине, но не в этом дело. Любопытно другое, что когда это случилось, на протяжении некоторого времени в китайском интернете автоматически вырубались — у них цензура лучшая в мире интернетовская, — автоматически вырубались все упоминания ансамбля «Моранбон».

Причина очень проста: несмотря на смену политической линии, на массовом уровне Северная Корея крайне непопулярна. Тут можно процитировать человека, который, в общем, в китайских раскладах считается пропхеньянским, но это не помешало ему мне сказать недавно типа: «Не помню, чтобы страна, с которой мы бы не находились в состоянии войны или близком к таковому, была бы столь же непопулярна у нас в народе, как Северная Корея». Было опасение, что этот побег будет воспринят китайской публикой как пощечина и пойдет такая раскрутка патриотического градуса в интернете, которая может создать дополнительные проблемы в отношениях с Северной Кореей, а проблем и так хватает. Они так оперативненько, быстренько вопрос прикрыли, чтобы народ не стал возбуждаться. Точно так же прикрывали и сообщения, правда, совсем ненадолго, обсуждения ядерного испытания непосредственно после того, как оно произошло. Это показывает, что китайская сторона готова спокойно проглотить это все, потому что логика какая? Я даже несколько раз опять слышу эту странную фразу «буферная зона» применительно к Северной Корее, давненько уже не слышал. Проблема в Южно-Китайском море и зачем нам таскать каштаны из огня для американцев. Крайнее раздражение размещением ПРО театра, крайнее раздражение, а это только начинается. Вашингтонские настроения, что мы им еще покажем, что это еще даже не цветочки, а уж тем более не ягоды, а так, почечки. Американская сторона сейчас будет сильно нагнетать там ситуацию, и в этой ситуации уже сейчас, конечно, такое ощущение, что неприятные они, странные люди, смешные. Ну и что? Но они стратегически нам сейчас полезны, так что давайте с ними в меру сил дружить, но в меру сил. Ожидать, что там пойдет огромная китайская помощь или инвестиции, нет никаких оснований. Просто Китай прекратит слишком уж активно участвовать в кампаниях санкционных и прочих кампаниях давления.

Скосырев. Владимир Скосырев, обозреватель «Независимой газеты». У меня первый вопрос — это то, что, как пишут, южные корейцы прекратили деятельность этого индустриального комплекса в Кэсоне. Как это повлияет на рыночные дела на севере? Второе, опять, я очень давно не был в Северной Корее, сначала дядю в расход пустил, теперь пишут — заместителя начальника генштаба, если я не ошибаюсь.

Ланьков. Не уверен, что факт, но многих пускают.

Скосырев. Это действительно факт жизни. Это как при Сталине в последние годы, что ли, что-то такое по атмосфере?

Ланьков. Нет. Давайте по пунктам. Первое, Кэсон. С Кэсоном, конечно, ситуация такая. Как это повлияет на рыночные отношения? Думаю, практически никак. Может быть, даже чуть-чуть «улучшит» ситуацию, потому что это может привести к некоторому ухудшению экономической ситуации и тогда, скорее всего, частный бизнес станет более активным, но не факт, что этому надо радоваться.

Второй момент, как вообще повлияет на экономическую ситуацию в целом? Вопрос спорный. В принципе, на мой взгляд, это поступок не самый продуманный — слово «истеричный» я не хочу использовать, но это именно то, что я бы хотел, если бы не была столь почтенная аудитория — и абсолютно контрпродуктивный. Проблема в том, не будет ли он иметь хоть какое-то влияние? Я надеюсь, что не будет, потому что поступление от Кэсона, ныне оцениваемое где-то в районе 100 миллионов в год, они все-таки не то чтобы слону дробина, но не очень большая сумма для современной северокорейской экономики. Это не маленькая сумма, но это 1%, ну, видимо, может быть, несколько процентов валютных поступлений, то есть не то, что приведет к резкому ухудшению ситуации, хотя климат в межкорейских отношениях это отравит и распространению информации на севере Южной Кореи существенно воспрепятствует, и не есть хорошее решение однозначно.

Второй вопрос о массовых репрессиях. Они не массовые — очень важный момент, я оговорился, [сказав]: массовые, — они никакие не массовые. Тут важный момент, который не совсем понятен тоже читателям СМИ. Дело в том, что беспрецедентный по жесткости отстрел высшего руководства страны, ничего подобного Северная Корея не видела как минимум с конца 50-х годов, не сопровождается сколь-либо ощутимым усилением репрессивности на низовом уровне. То есть, если ты генерал, то тебе сейчас, в общем, есть основания несколько трястись. Я тут процитирую одного пхеньянского товарища, который сказал, что «у нас в стране солнышко есть, но солнышко у нас что-то жгучим стало, может, лучше в тени постоять». Это касается руководства, то есть для генералов особенно проблема достаточно напряженная.

Если вы простой северокореец, ваши шансы попасть в тюрьму за политику не увеличились. Они все равно огромные, они все равно больше, чем в любой другой стране мира, но они были такими — больше, чем в любой другой стране мира — уже много лет. В общем, объективно ухудшения не наблюдается, может быть, даже небольшое улучшение. Этим, кстати, объясняется то, что все эти аресты генералов у народных масс никакого ужаса не вызывают, скорее, наоборот: так им и надо. Вы сами понимаете, что когда новый, молодой царь, да еще Ким Чен Ын, с точки зрения северокорейских представлений по красоте, симпатичный человек, там они еще не перешли к той стадии, когда «тощий» значит «красивый». Там они на той стадии, когда по-русски «как вы поправились, раздобрили» — это нормальная стадия земледельческого общества. Вот такой симпатичный, харизматичный молодой царь бросает злочинных бояр на штыки стрельцам, ну, будет по этому поводу посад очень расстраиваться? Да не будет, конечно. Как это влияет на атмосферу среди бояр и воевод? Я думаю, не озонирует. Означает ли это, что они составят там страшный заговор? Иосиф Виссарионович перестрелял много воевод, и как-то заговора не было. Но, может, и будет, я не знаю, здесь я об этом ничего не хочу [гадать], не знаю, и так, и так может получиться.

Последнее, хочу обратить внимание на крайне выборочный характер репрессий даже среди руководства. При том, что многие сообщения об аресте того или иного человека являются выдумками или ошибками, но то, что аресты и, [уж] точно, снятие с должностей идут в массовом, беспрецедентном порядке, — это правда. Министр обороны там в среднем живет восемь месяцев сейчас, причем чаще, снятый с должности, он просто вообще бесследно исчезает. Мы имеем странную ситуацию, когда генерал-полковник оказывается генералом армии, вице-маршалом, потом вдруг опять генерал-полковником, потом опять генералом, причем число звезд на погонах меняется, а должность у него та же самая. У меня мысль о нашей истории: кроме совсем арестованных и сосланных, Кузнецов, который, по-моему, трижды адмирал флота Советского Союза, его снимали, повышали, но никуда не посадили. Там это сейчас, при Ким Чен Ыне, совершенно нормальная практика. Но из-за чего я вам об этом всем говорю? При всех этих переменах есть одно обстоятельство, которое надо помнить: все это касается только силовиков и немножко, совсем немножко партийных работников. Скажем, экономический блок — абсолютно никаких проблем, все очень нормально в этом смысле.

[Мужской голос]. «Два пальца». Насчет 100 миллионов, которые получает Северная Корея от Кэсона — эта штука запущена южными корейцами, надо понимать, что она там включает все — зарплаты рабочих, плату за электричество, за воду и т.д., то есть это валовый доход. Реально то, что получает бюджет, — мы считали — миллионов 30.

Ланьков. Знаю эту цифру, и обе ходят. Я специально назвал максимальную, исходя из того, что даже эта максимальная все равно не страшная.

[Мужской голос]. «Два пальца». Просто здесь надо много достаточно. Второй маленький конкретный вопрос. Очень сейчас популярна в Штатах теория, что настало время Китай заставить поменять режим на прокитайский. «Ким Чон Нам» называется и вообще, эту теорию сейчас [нрзб], и это сейчас самый ходовой топик в Вашингтоне. Какое мнение?

Ланьков. Это может в итоге произойти, но не потому, что американцы заставят — если китайцы решат, то они сделают, — но пока у них таких настроений не чувствую, не буди лихо, пока оно тихо. Беда в том, что сейчас основная линия в Вашингтоне, если упрощать ситуацию, такая: увеличивать давление на Китай всеми способами, включая способы на грани флага, чтобы заставить Китай что-то сделать, — это один из вариантов, есть и другие варианты. На мой взгляд, политика крайне рискованная и, скорее всего, бесперспективная, в лучшем случае, она окажется

безрезультатной, в худшем, очень вероятном, приведет к негативным результатам. К сожалению, это такие сейчас настроения в городе Вашингтоне, ничего с этим не сделать.

Стрельцов. Дмитрий Стрельцов, МГИМО, университет. У меня такой вопрос про Японию, с японского угла. Как в Пхеньяне рассматривают Японию? В период, когда с Китаем отношения ухудшились, была определенная политика хеджирования с Японией, заигрывание и т.д., возобновились дипломатические контакты. Сейчас мы видим, что запускаются ракеты над Окинавой — это такое знаковое изменение качества или нет? Второй вопрос касается тоже Японии, экономической стороны дела. Мы знаем про большую северокорейскую общину в Японии, которая там поставляет валюту и т.д. С другой стороны, сейчас эти санкции, эти ручейки как-то, может быть, окончательно прекратились, может быть, и нет. В какой степени северокорейское руководство рассчитывает хеджирование продолжить с Японией. Спасибо.

Ланьков. Рассчитывать-то оно рассчитывает, но это напоминает мне известный анекдот про слона в зоопарке. Съесть, конечно, он хочет бананы, но кто ему даст? По нескольким пунктам сначала. Первое, о северокорейской общине, о Сорене, он же Чхонрён, он же Чочхонён. Там ситуация какая? Это все-таки устаревшие сейчас представления. Северокорейская община действительно до начала 90-х годов была очень большим и важным фактором, она давала большое количество денег в северокорейский бюджет, причем практически неконтролируемых денег. Все это шло совершенно контрабандно, наличкой, но это все старые времена. Фактически сейчас северокорейскую общину трудно назвать большой, она маленькая. Речь идет о десятках тысяч человек, опять-таки называют разные цифры, но это не те четверть миллиона, полмиллиона, которые были несколько десятилетий назад. Это небольшая группа людей, в основном пенсионеров, верных убеждениям или заблуждениям, называйте как хотите, своей молодости. Молодежь, даже [люди] среднего возраста, уже ни малейшего желания отправлять деньги в Северную Корею не имеют, отчасти потому что они менее дискриминированы, более интегрированы в японское общество. Если раньше ситуация была такая: человек, в общем, сплошь и рядом [мог хоть] узлом завязаться, его японцы все равно не принимали за своего, поэтому имело ему весь смысл держаться родной этнической общины, соответствующим образом себя вести, то сейчас ситуация изменилась. Человек может очень неплохо интегрироваться в японское общество, его корейское происхождение — небольшое пятно на биографии, но совсем не такое, как в 60-е годы. Кроме того, разочарование в Северной Корее, потому что в 50–60-е годы японские корейцы верили в такой «град на холме», сияющий в Северной Корее, эта вера полностью испарилась в 90-е годы. Сейчас северокорейский фактор в Японии — это фактор очень, очень второстепенный, причем, его значение быстро снижается.

Второе, по поводу хеджирования. Да, попытки шли. Более того, на протяжении 2014 года шли какие-то очень странные закрытые переговоры, они редко появлялись в печати, они шли все время, происходили какие-то странные зондирования. Я постоянно встречался с этими пробросами, иногда японские товарищи, прочие товарищи мое скромное мнение на этот счет хотели узнать и т.д., было видно, что они активно там что-то делают, что идет некое такое закулисное шевеление. Меня с самого начала это удивляло, потому что проблема, на мой взгляд, неразрешима. Главная проблема — это проблема так называемых похищенных, точнее, проблема даже не двух, а огромного количества списков. Если северокорейцы вдруг признают, что те люди, выдачи которых японцы требуют, реально живы, а я, в общем, склонен думать, что кто-то из них действительно, реально жив, хотя не поручусь, может, и нет, но думаю, что да. За выдачей этого произойдет — смотрите, когда-то, когда [Коидзуми?] ездил в Пхеньян, был расчет такой с северокорейской стороны: мы даем этих людей, мы закрываем черную страницу истории, мы теперь будем дружить. На практике это привело к противоположным результатам, произошел мощнейший взрыв антисеверокорейских настроений: они отрицали, а, оказывается, они воровали наших детей, но что теперь делать.

Если сейчас будут возвращены люди, [похищение] и дополнительное существование которых в качестве живых отрицается вот уже 15 примерно лет, то следующий волной будет выкачен следующий список, а списков этих много. Если некоторые из них выглядят реалистическими — у северокорейских спецслужб был такой маленький спорт в 70-х, началось у нас, они начали в конце 50-х годов у нас воровать, а потом дальше, дальше, дальше — своих студентов, диссидентски настроенных, просоветски, прорусски слишком — это был такой период. В конце концов, из самых больших таких японских списков самый крупный [насчитывает] 400 имен примерно, туда включены просто все люди, которые вообще пропали в Японии за последние полвека. Понятно, что вернуть этих людей северокорейцы не могут, потому что сложилось впечатление, что их акулы давно съели, они к их исчезновению никакого отношения не

имели. Даже в такой спокойной, замечательной стране, как Япония, человек может пропасть без следа, редко, но бывает. Рано или поздно возникнет эта ситуация. Я не знаю, как этот вопрос решить, просто не знаю. Я был удивлен всем этим шевелением, на мой взгляд, вариант бесперспективный, но, в общем, какие-то контакты продолжаются, между нами говоря, это шевеление резко снизилось, но такое легкое шуршание оттуда доносится. Контакты какие-то идут, но как они могут решить этот вопрос, я, честно говоря, и представить-то не могу.

Жебин. Жебин, Руководитель Центра корейских исследований Института Дальнего Востока. Вы в своем выступлении упомянули о тех людях, которые живут в Северной Корее и оценивают рост экономики в 1,3%, но сказали, что это тоже слухи. Вы, как известно, живете в Южной Корее все время и публикуетесь по Северной Корее практически еженедельно, иногда чаще. На чем вы основываете свои сведения? Я так понимаю из ваших публикаций, на показаниях перебежчиков. Но перебежчики, которые попадают из Северной Кореи в Южную, они попадают в объятия спецслужб, которые выпускают этих людей на публику через год — это в лучшем случае, а иногда и вообще не выпускают.

Ланьков. Через год? У вас очень интересные сведения, очень странные.

Жебин. Да, иногда через год, иногда через пять. Не в этом дело. Как вы решаете проблему верификации? Ведь у перебежчиков, которые свидетельствовали перед комиссией ООН, оказалось, что и родители живы, и лагерь не тот и т.д. Как вы решаете эту проблему?

Ланьков. Во-первых, сразу фактические исправления. Для того чтобы тебя не выпускали год, или два, или пять, человек должен быть как минимум генерал-майором каким-нибудь. Реально обработка и этот процесс занимают от одной до трех недель, потому что три четверти перебежчиков, даже больше — это люди, не имеющие высшего образования, обычно не имеющие полного среднего образования, женщины из крестьянских семей. Держать ее год или два никто не будет, и, естественно, этого не происходит, то есть здесь у вас некая абберрация, потому что то, что вы говорите, относится даже не к 1%, а может быть, 1/10 всех перебежчиков.

Второй момент: все, что я говорил сегодня, к перебежчикам отношения не имеет. Я сейчас вернусь к вопросу верификации перебежчиков. Практически все, что было сказано сегодня о переменах, основывается на разговорах с северокорейскими бизнесменами, которые никуда бежать не собираются, а спокойно себе ездят в Китай заниматься торговлей, китайскими бизнесменами, в основном, этническими корейцами, «чосон джок», которые ведут дела в Северной Корее или с Северной Кореей, и китайскими экономистами, немногочисленными, но их все-таки больше, чем во всех других странах, вместе взятых. Экономистов, занимающихся Северной Кореей, которые базируются, в основном, в университетах Янцзы, в нескольких университетах Пекина — это Бэйда, Жэньминь. Небольшая, но очень успешная группа работает в Шэньяне. Это источники. Перебежчики будут интересны, сейчас я об этом скажу, но пока через них дойдет информация, допустим, о новой модели управления промышленностью, это годика два пройдет как минимум. И не потому, что их там будут держать год в контрразведке. Никто держать мелкого торговца обувью в контрразведке не будет год и даже месяц — слишком много, неделю подержат и то под вопросом. Но пока он будет топтать, и пока он дойдет, и пока он окончит еще курсы обучения, пока он как-то станет досягаемым — это два года как минимум. Это будет потом, конечно, интересно.

Теперь, что насчет верификации. Это традиционное замечание, которое вы сделали, на мой взгляд, глубоко неверно, потому что, если вы хотите выяснять у перебежчика политические вопросы, проблемы, связанные с репрессиями, настроения, я лично этим не занимаюсь и заниматься не собираюсь. Можете проверить, никогда на эту тему я ничего не писал, по крайней мере, последние 25 лет. Вопросы, которые я задаю северокорейским перебежчикам, политически я бы сказал — просто беженцам, потому что там никакой политики у большинства вообще сбоку нет никакой. Вопросы, которые я им задаю, связаны чисто с их экономической деятельностью: как зарабатывали, сколько зарабатывали, что продавали, чем торговали, где покупали рис, когда вы первый раз поели искусственное мясо, под какие проценты можно было у вас денежки получить, и т.д. и т.п. Подозревать их, что они по этому поводу, да еще все там 500 человек, сговорившись — 500 я не общался, а человек 200 есть — будут рассказывать какие-то истории, для этого нужно действительно их год держать, чтобы они выучили все истории, непонятно зачем такие истории рассказывать.

Последнее, насчет цифр. Вы немножко тоже перепутали, цифра 1,3% — это официальная оценка южнокорейцев. Я считаю, что она занижена. Когда я сказал о людях, которые живут там, — в данном случае речь идет не о северокорейцах, я не очень доверяю северокорейцам, а о сотрудниках дипломатических миссий, в том числе и российской, в данном случае имеется в виду российская и британская конкретно.

Радченко. Сергей Радченко, Карэльский(?) университет, Великобритания. Спасибо большое за замечательную лекцию. По всем странам прошлись, только о России ничего не сказали. В чем заключается политика России в отношении Северной Кореи, с вашей точки зрения? Здесь такая подковырка, я знаю, что вы писали о том, что, в принципе, у России нет никаких экономических интересов в Северной Корее или они очень маленькие, небольшие, но основные интересы, конечно, в Южной Корее и т.д. В Вашингтоне существует такое мнение, что, несмотря на это, все равно есть политические интересы, чуть ли не идеологические интересы и т.д. Как вы на это смотрите?

Ланьков. Политические интересы есть, потому что страна близкая, потому что есть определенные силы, которые иногда подталкивают к достаточно, скажем так, авантюристическим решениям даже, но, к счастью, эти силы обычно не очень преуспевают. С другой стороны, это наши соседи, это понятно, что должна быть какая-то более-менее осмысленная политика там, вне зависимости от экономических интересов. Главная проблема — это, конечно, экономика. Дело в том, что Северная Корея сейчас на мировом рынке может представить несколько вещей. Она не неконкурентоспособна, просто то, что у нее есть, нам неинтересно.

Смотрите, что получается. Что у Северной Кореи есть? Во-первых, у нее есть определенное количество природных ресурсов, полезных ископаемых. Вот тут, традиционная вещь, вы сейчас можете услышать, что там их очень много, — их немного. Для России, у которой, слава Дежневу с Хабаровым, этого дела вот столько, особой необходимости беспокоиться по этому поводу нет. Пока Сибирь есть и слава тебе, Господи. Кроме того, то, что у северокорейцев есть, это очень небольшое, по мировым меркам. Это хорошо для китайцев: рядом, близко, возить удобно.

Второе, что у северокорейцев есть — это рыба и морепродукты, вот китайцев они этим заваливают. Больше того, через Китай, маркированное как китайское производство, это идет и в Южную Корею, и в Японию. В общем, Россия, как известно, не страна — любитель рыбы, мы как-то больше по мяску. Третье, у них есть дешевая рабочая сила. Вот тут ситуация амбивалентная. Использование по такому варианту, это в Кэсоне, как я подозреваю, эту фотографию сделали, нам совершенно не нужно. Где вы найдете русского бизнесмена, который решит построить в Северной Корее заводик кроссовки шить? Зачем? Китайского можно найти. География там такова, что если будет нормальное транспортное сообщение, может быть, можно что-то, но это все равно мизер. Что важно — это корейские рабочие на объектах в России. Это уже есть, этого может быть больше, тут есть потенциал расширения, никаких сомнений, есть много, чем больше, тем лучше. Четвертое — это территория. Дело в том, что усилиями конкретно Невельского и Игнатьева там такая замечательная конфигурация границ в нижнем течении Тумангана, что Китай очень хорошо отрезан от моря с 1861 года. Соответственно, для китайцев крайне желательно прорубить коротенький транспортный коридор к морю, которое корейцы именуют Восточно-Корейским, а все остальные, естественно, Японским. Для нас единственно интересно — это коридор непосредственно через территории Северной Кореи, потому что Южная — куда более интересный партнер и с точки зрения сбыта, газ природный и т.д. Строительство такое очень дорогостоящее и крайне рискованное.

Смотрите, мы только что получили замечательный урок, почему под это дело слишком уж подписываться пока не надо. Сейчас даже расонский проект поставки угля, они тоже немножко напряглись, но, надеюсь, ребята выкрутятся, там толковые ребята, проект хороший. Потому что — смотрите, какая ситуация. Сейчас южнокорейцы ведут себя как-то эмоционально, и, помимо всего прочего, они заявили, что не будут больше брать российский уголь, который может прийти через Расон. Расон — там небольшие вложения, а вот построим потом газопровод, и потом южнокорейцы — а потом, может, и северо[корейцы], а может, еще кто — начнет это использовать во всяких политических играх. У России просто нет рычагов, это просто сделает [нас] заложниками. Интерес надо показывать, какую-то подготовительную работу надо вести, и если ситуация стабилизируется — но, честно говоря, события последних нескольких лет заставляют меня подозревать, что она не стабилизируется, — то тогда об этом можно говорить. Вот территория. Количество областей, в которых можно сотрудничать, невелико. Геостратегически. Когда в

Вашингтоне рассказывали о том, что Россия возвращается в Северную Корею, мой ответ всегда был один: «Смотрите на статистику торговли». Сейчас будет сказано, что статистика торговли вводит в заблуждение, потому что она не отражает полного объема, да? 900 миллионов через Китай. Но тем не менее, а китайская тоже не отражает полного объема. Это обычное, совершенно резонное замечание. Проблема в том, что то же самое можно сказать о китайской статистике. Китайская статистика, по более-менее консенсусному мнению китайцев, сильно занижает объемы, т.е. торговля Северной Кореи с Китаем — это не 6 с чем-то миллиардов, а дай Бог, если не 10 и больше. Может быть, русская занижает объемы сильнее в разы, но в любом случае, пропорции все равно [те же] — может быть, не в 60 раз по официальной статистике, а какие-нибудь паршивые 10, 15, 20, но разрыв очень большой. То есть, северокорейская торговля с Россией очень невелика по сравнению с торговлей с Китаем.

Саакян. Людмила Саакян, радио «Спутник». Андрей Николаевич, позвольте, два совершенно разноплановых вопроса. Первый. Для проведения ядерных испытаний, для запуска в космос спутников нужен какой-то определенный научно-технический уровень. Как вы оцениваете научно-технический уровень Северной Кореи, уровень образования? Есть ли у них научные школы, и насколько они, вообще, могут пользоваться зарубежными источниками, публикуются ли они сами в зарубежных источниках?

Ланьков. Уровень образования для такой бедной страны очень высокий. Для страны с таким низким уровнем экономики и ВВП Северная Корея — очень образованная страна. Если вы посмотрите на другие страны, у которых примерно такие же макроэкономические показатели, вы увидите, что там есть проблемы с грамотностью даже, 70% грамотных, но не 100. В Северной Корее 100%-ная грамотность, примерно где-то 15% населения идет в высшие учебные заведения. Так что для такой бедной страны страна очень неплохо образована.

Второй вопрос, есть ли научные школы и публикуются ли они. Они не особо публикуются, не ставится задача такая. Просто северокорейский научно-технический потенциал заточен реально под две группы задач. Первая — это обеспечение военно-техническое, причем, в первую очередь, уже давным-давно, это разработка ОМП и особенно ядерного оружия и средств доставки. Вторая — это приспособление к конкретным северокорейским условиям иностранных технологий, то есть северокорейский специалист, который может быть достаточно квалифицированным. От него не ожидается, что он будет изобретать что-то. Он иногда изобретает, и об этом пишут красиво в «Нодон Синмун», но очень часто эти изобретения оказываются, как сейчас принято говорить, фейковыми. От него ожидается, что он возьмет, прочтет много-много публикаций, а он их читает чуть-чуть позже, хотя есть проблемы с доступом сильные, но не неразрешимые. И на их основании, прочитав кучу всяких материалов о новых методах выращивания риса, сделает хорошую методичку о том, как бы нам использовать то, что делают китайцы, японцы, тайландцы. Вот такой у них практический подход. Соответственно, оригинальных разработок никто не ожидает, а ожидаются разработки прикладные, соответственно, требований к публикациям практически нет, зачем они. Проблемы с доступом к публикациям — да, проблема есть. Притом что привилегированная группа, которая работает с военными технологиями, они спокойно читают, достают. Хотя, тоже, я не удивлюсь, что у них могут быть проблемы, допустим, с какими-то подписными изданиями и т.д., с периодикой. Всем остальным приходится постоянно использовать самые неожиданные каналы и доставать по знакомству, разнообразно, но достают, стараются в меру сил. Это немножко, может быть, напоминает — последняя, может быть, ситуация — Советский Союз 80-х годов. Тоже были проблемы с получением, но если человек хотел, то половину того, что надо бы прочесть, он читал. Все он не читал, но половину, наверное, можно было достать. У них где-то что-то такое, может, меньше половины, но можно.

Саакян. Второй вопрос такой. В северокорейском обществе все еще сохраняется если не страх, то опасение как-то покритиковать начальство или общаться с иностранцами?

Ланьков. Конечно, а куда он денется? Конечно, сохраняется, это по-прежнему естественно. Когда я говорю, что она не стала более репрессивной по сравнению с прошлым, рост уровня жизни не означает, что они богатая страна. Конечно, сохраняется. Хотя, на уровне такого бытового общения, конечно, люди стали меньше напрягаться — это вам, конечно, не Таиланд и даже не Советский Союз 80-го года. В принципе, люди готовы, более открыты к общению с иностранцами даже внутри страны, а за пределами, в принципе, если они уверены, что никто не узнает, никто не наступит, им даже просто любопытно.

[Мужской голос]. Андрей, характеризуя ответные шаги, реакцию, вы несколько раз употребили термин «эмоциональный», вы там это чувствуете, естественно...

Ланьков. Я саму истерику не застал, я уже 1,5 месяца заезжаю в Сеул, чтобы [нрзб].

[Мужской голос]. Тем не менее все равно вам это как-то более чувствительно и понятно. Я тут с удивлением на днях прочитал, раньше не знал об этом, что там какая-то профессор Седжонского университета, дама, пострадала, попала под уголовное преследование, потому что не ту книгу написала про comfort women — японок, южнокореек. Но тем не менее что-то как-то происходит, я понимаю, что сейчас очень эмоциональная реакция, она, естественно, успокоится со временем.

Ланьков. Надеюсь.

[Мужской голос]. Очень важно это услышать, хотелось бы, но все-таки в среднесрочной перспективе выход на какой-то переговорный сценарий, на какой-то контакт — это возможно? В связи с этим, я понимаю, эмоциональная волна, идея обзавестись своим ядерным оружием собственным, она так пробрасывается регулярно, как ваше личное мнение?

Ланьков. Начнем с ядерного оружия. Это, конечно, еще более классический случай со слонем, который хочет съесть бананы, [но] ему, естественно, никто не даст по одной причине. Да, разговоры идут.

[Мужской голос]. Насколько идея популярна в обществе?

Ланьков. Очень популярна, большинство хочет, ну и что? Вы покажите мне страну, кроме какой-то особо миролюбивой, в которой большинство не хотело бы, чтобы у их армии была самая страшная и большая дубинка на планете. Вы, наверное, какое-то количество стран таких найдете, но это нужно искать. Нет, большинство хочет, и опросы, когда они проводились, однозначно показывают, что большинство южнокорейцев хотят иметь ядерное оружие. А уж как корейские военные его хотят — это понятно. Но это нормальная, здоровая реакция. Покажите мне армию, я думаю, даже армия Люксембурга — и то хочет.

Проблема в другом — что реально это абсолютно невозможно по одной, простой причине. Любая попытка распространения будет пресекаться достаточно жестко сейчас. Уровень жесткости, скажем честно, в отношении Южной Кореи будет существенно меньше, чем в отношении Северной, но чувствительность Южной Кореи к любым минимальным санкциям существенно выше. То есть, как только южнокорейское правительство попытается сделать что-то не на уровне каких-то суперзакрытых программ, которые вполне возможно есть — я напоминаю о странных событиях 2004 года — может, есть, может, нет, я не знаю ничего, скажем так. На уровне чуть-чуть более заметном сразу включаются международные механизмы санкций. В Северной Корее, если вдруг дело примет опять тяжелый оборот — но я надеюсь, не примет, там может опять умереть четверть миллиона человек — на политическую линию, скорее всего, никакого влияния не окажет. В Южной Корее, если вдруг среднестатистический избиратель обнаружит, что он покупает новую машину не раз в 5 лет, а раз в 7, он пойдет голосовать против того правительства, которое создало эти проблемы. Если страна не будет сталкиваться с очень серьезной, куда более серьезной, чем сейчас, внешней угрозой, то нет. У народа, в общем, при всех мечтаниях о ядерном оружии есть определенная вера, пусть с некоторыми сомнениями, в американский ядерный зонтик и нет никакой готовности ради этой программы переносить сколь-либо серьезные, заметные материальные лишения. Поэтому это останется такой утопией, это останется пробросами, а народ этого хочет, однозначно.

Теперь возвращаюсь к реакции. Есть ли надежда на переговоры? Вы знаете, грустно сказать, я попадал впросак. Я как-то проявлял излишний оптимизм последние лет пять. Каждый раз я, видя хоть какие-то признаки, определенные желания со стороны Юга идти на какие-то компромиссы, я начинал радоваться и бить во все колокола и рассказывать о том, что вот оно, да. В последний раз я это сделал за несколько дней до взрыва, когда 3 января эта новая речь северокорейская, она была достаточно примирительная — это вроде бы совпадало с последними переменами в Сеуле. И мне показалось, ну, вроде бы наконец свет в конце тоннеля, но ничего подобного, поэтому я не знаю.

Сейчас я, к сожалению, скажу так: как минимум до следующих выборов никакого серьезного улучшения отношений между двумя корейскими государствами ждать не приходится. Больше того, добавлю, что, к сожалению или не к сожалению, это только один из аспектов вопроса, внутри южнокорейская ситуация такова, что с большой долей вероятности следующие выборы тоже выигрывает правоконсервативная группировка. А это будет означать, что, скорее всего, нынешняя политика в той или иной форме будет продолжаться и дальше. Надеюсь, что она будет смягчена, но это моя личная надежда. Я сейчас настроен крайне пессимистично, более того, я не исключаю, что на закрытие Кэсона северокорейцы ответят какими-нибудь серьезными силовыми акциями: обстрел чего-нибудь, минирование чего-нибудь.

С другой стороны, у южнокорейских военных уже давно, кстати, уже с 2010 года, излишне боевитый настрой. У северокорейских военных есть такой замечательный лозунг: «ответим десятикратно, стократно». Сейчас у южнокорейцев это не просто лозунг, а, как я понимаю, руководство к действию. Если северокорейцы что-то там предпримут, южнокорейцы, уверовав абсолютно в силу вооруженного сдерживания и мощного, подчеркнуто неадекватного, непропорционального ответа, могут этот удар нанести. А учитывая все остальное происходящее в регионе, все это может кончиться серьезным кризисом. Я не хочу говорить о войне, я думаю, никакой войны не будет. Но очень серьезная нервотрепка, возможно с относительно заметными человеческими жертвами, вполне может случиться в ближайшие год-два. К сожалению, сейчас пессимизма нет ни малейшего. Будем ждать выборов, будем надеяться, как ни странно, на сдержанность северокорейской стороны, такое очень странное выражение, но может быть, они действительно проявят сдержанность или просто элементарно, реально, как южане рассчитывают, испугаются неадекватного ответа, посмотрим, но, в любом случае, ничего хорошего в ближайшие месяцы нас не ждет.

Андреев. Павел Андреев, музыкант. Я хотел спросить, интересна ли нам Северная Корея как партнер в плане культурных связей, и хотел спросить, как в Северной Корее обстоят дела с культурой, потому что года два назад мы еще иногда ездили к ним с концертами, а потом что-то, видимо, произошло. Я знаю, что у них даже есть музыкальные сады в плане образования, что вы сейчас сказали.

Ланьков. Традиционно у них как с культурой? Опять я бы сказал, хорошо для такой бедной страны. Кроме того, второй момент, там просто традиционно очень хорошее отношение к российской культуре — это еще при Ким Чен Ире. Некоторые говорят, что в личных особенностях Ким Чен Ира, что он любил советскую массовую культуру, Пугачеву и прочих. Сенчина, хоровое пение, Кобзон однозначно, ансамбль Александрова — в общем, любил он это дело. Хотя, я думаю, что дело даже не в любви, а в достаточно трезвом политическом расчете: народу нужно показать, что мы не одни. Подчеркивать, излишне пропагандировать китайскую культуру они не хотят, потому что в отношении Китая северокорейское правительство всегда посылает сигналы, что излишняя дружба с Китаем, излишняя симпатия с Китаем — это неправильно, что китайцы, да. Россия, именно в силу того что от России не ожидается никакой серьезной активности, и никто не ожидает и не будет всерьез обсуждать, что Россия организует промосковский переворот и т.д. в Северной Корее, то, соответственно, очень хорошо подходила под эту нишу нашего зарубежного друга. Это новое явление, первоначально, конечно, и в 90-е годы все было совершенно иначе, а в последние десять лет в Северной Корее советская эстрада, советское массовое искусство очень хорошо представлено.

Реплика. Православие, наверное, тоже.

Ланьков. Православие — это, конечно, спектакль чистый. Я же говорю не о спектаклях, а о том, что реально есть, люди там слушают того же Кобзона, Пугачеву.

Андреев. Я имел в виду, что церковь там.

Ланьков. Это как символ, это все театральное шоу, сильно подозреваю, офицерами спецслужб в роли священников, но это несерьезно. То, что народ реально хочет слушать Пугачеву, не знаю, хочет ли он слушать ансамбль Александрова, но Кобзона, всех слушает вполне.

Максим Саморуков. На этом закончим эту стадию дискуссии. Продолжим ее на фуршете.